

← *дикція, кар'єрист* ← *кар'єра*), філософських та ідеологічних напрямів чи течій — 16,5% (*авангардист* ← *авангардизм, дадаїст* ← *дадаїзм, дуаліст* ← *дуалізм, ідеаліст* ← *ідеалізм, квієтист* ← *квієтизм*), *стану* — 1% (*агресор* ← *агресія, оптиміст* ← *оптимізм, песиміст* ← *песимізм*), а також прикметниками, що виражають *ознаку чи якість* — 0,7% (*акуратист* ← *акуратний, терміст* ← *термічний*);

– *суб'єктні*, до яких відносяться *власні назви та імена* — 0,4% (*морзист* ← *Морзе, троцькіст* ← *Троцький*), *назви міст та країн* — 0,4% (*візантиніст* ← *Візантія, германіст* ← *Германія*);

– *об'єктні*, що представлені іменниками зі значенням *предметності* — 13,1% (*бандурист* ← *бандура, гітарист* ← *гітара, дизеліст* ← *дизель, карабінер* ← *карабін, медаліст* ← *медаль, органіст* ← *орган*);

– *локальні*, що позначають *географічні поняття* — 0,3% (*губернатор* ← *губернія, імператор* ← *імперія*);

– *функціонально-цільові*, що представлені іменникам – назвами *осіб або їх посад* — 1% (*арабіст* ← *араб, докторант* ← *доктор*), назви *установ та організацій* — 6,8% (*архіваріус* ← *архів, гімназист* ← *гімназія, інспектор* ← *інспекція, легіонер* ← *легіон, міліціонер* ← *міліція*);

– *типологічні*, які називають *галузі науки або види людської діяльності* — 6,6% (*архітектор* ← *архітектура, баскетболіст* ← *баскетбол, водевіліст* ← *водевіль, кроліст* ← *кроль, методист* ← *методика, режіст* ← *режі, синтаксист* ← *синтаксис*);

– *процесуальні*, представлені іменниками та дієсловами зі значенням *процесуальності* — 18,6% (*акомпаніатор* ← *акомпанувати, дублер* ← *дублювати, ідеалізатор* ← *ідеалізувати, монтер* ← *монтувати*).

Для проаналізованих похідних іменників німецької та української мов характерним є виділення спільних **семантичних типів** твірних основ, серед яких абстрактні, суб'єктні, локальні, функціонально-цільові, типологічні, процесуальні. Однак, семантичний спектр досліджуваних твірних основ у німецькій мові ширший, ніж в українській. Це свідчить про те, що досліджувані похідні у німецькій мові, на відміну від відповідних в українській мові, охоплюють більше сфер комунікації (зокр. відсутність в українській мові твірних основ на позначення *назв тварин та споруд*), оскільки значення похідних залежить безпосередньо від значень твірних.

Найвищий ступінь активності у німецькій мові виявлено у твірних основах *процесуального* типу (49%), в той час як в українській мові найактивнішими є твірні основи зі значенням *абстрактності* (33%).

Отже, словотвірні потенційні можливості твірних основ з категоріальним значенням особи в українській і німецькій мовах реалізуються за рахунок достатньої кількості афіксів латинського походження, лексико-категоріальних значень в їх семантичних структурах, валентнісних властивостей твірних основ та афіксів.

Джерела та література:

1. Ищенко Н. Г. Словообразовательная синонимия в современном немецком языке : монография / Н. Г. Ищенко. – К. : Изд-кий центр КДЛУ, 1999. – 348 с.
2. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М. : Наука, 1981. – 200 с.
3. Щигло Л. В. Словотворчий потенціал дієслівних основ з категоріальним значенням активного руху в сучасній німецькій мові : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Л. В. Щигло; Харківський нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. – Х., 2009. – 23 с.
4. Motsch W. Deutsche Wortbildung in Grundzügen / W. Motsch. – 2. Aufl. – Berlin, N. Y. : W. de Gruyter, 2004. – 458 s.

Ибрагимова В.Ф.

УДК 82.0

ОСВОЕННЫЕ И НЕОСВОЕННЫЕ ТЮРКСКИЕ АНТРОПООСНОВЫ В РУССКОМ И УКРАИНСКОМ ЯЗЫКАХ

Современное языкознание характеризуется ростом антропонимических изысканий, ведущихся на материале самых различных языков. Развитие антропонимики характеризуется возросшим интересом со стороны лингвистов, историков, культурологов, этнографов и других исследователей к заимствованным антропоосновам, функционирующих в славянских языках.

Учитывая полилингвальную ситуацию Украины, изучение русских и украинских фамилий с тюркской основой обусловило важность проблемы в связи с неразработанностью вопроса мотивации славянских онимов тюркского происхождения.

Актуальность. Перспективными в современной лингвистике являются и такие вопросы, как классификация способов адаптации русских и украинских фамилий тюркского происхождения. Решение этих вопросов дополнит изучение русской, украинской и тюркской антропонимических систем в целом, даст возможность представить их как результат единого эволюционного процесса.

Цель работы заключается в выявлении степени адаптации тюркских атропооснов в русских и украинских фамилиях.

Ономастическая лексика была и остается постоянным объектом пристального внимания исследователей. Семиотическая сущность имени собственного, особенности семантического содержания ономастической лексики анализировались в трудах Дж. Милля, О. Есперсена, Е. Куриловича, О.С. Ахмановой, А.А. Уфимцевой, А.В. Суперанской, А.Д. Шмелева, А.А. Черноброва и др.

Большой вклад в изучение русских антропонимов тюркского происхождения внесли Н.А. Баскаков, С.И. Зинин, А.В. Суперанская, Б.О. Унбегаун, Ю.А. Федосюк и др.

Украинская антропонимика с тюркскими антропосномами представлена исследованиями Ю.К. Редько, М.Л. Худаш, В.А. Кравченко и др.

У русского и украинского языков были равные возможности заимствования из тюркских языков, так как для этого существовали общие условия. Так, например, русские и украинцы имели длительное время близкие контакты с крымскими татарами и турками. На русской и украинской землях появились отдельные поселения выходцев из крымских татар. На протяжении многих столетий этот язык находился в тесном контакте, как с русским, так и с украинским языками.

Материал выявил, что тюркские антропосномы характеризуются разной степенью адаптации в русском и украинском языках или неосвоенностью тюркских основ.

Под адаптацией понимается процесс приспособления иноязычного лексического элемента к фонетической, грамматической, лексико-семантической и стилистической системам языка «поскольку оно шире и подразумевает более емкий процесс, включающий в себя не только процессы приспособления и уподобления иноязычных слов к системе языка-реципиента, но и процессы усвоения их носителями» [1, с. 7].

Освоенные тюркские антропосномы по степени адаптации можно подразделить на 2 группы: полностью освоенные заимствования и частично освоенные заимствования.

1) К полностью освоенным относятся тюркизмы, которые не воспринимаются как иноязычные, т. е. они имеют звуковой состав и грамматический строй, присущий современному русскому и украинскому языкам: «...русская лексика изобилует заимствованиями из различных тюркских языков, которые могли, как и любые слова, использоваться в качестве прозвищ и имен по профессии, а затем обычным путем превратиться в фамилии» [6, с. 292]. Ученый Б. О. Унбегаун утверждает, что такие фамилии не могут рассматриваться как тюркские, поскольку они образованы не от тюркских имен, а «всего лишь от русского слова тюркского происхождения» [6, с. 292].

Б. О. Унбегаун отмечает, что адаптированными являются все фамилии славянского и неславянского происхождения, которые ещё до адаптации обладали окончаниями, сходными с русскими [6]. На фактор адаптации влияет деривационный фактор. Был составлен список основ, которые сочетаются с фамильными суффиксами русского и украинского языков. Проанализируем процесс освоения тюркских основ русским и украинским языками. Материал показал, что следующие основы встречаются как в русском, так и в украинском языках, ср.:

алмаз тюрк. < татарск. *алмас* < арабск. < греч. *adamas* – несокрушимый’ *алмаз* Восточное заимствование; в татарском, казахском., киргизском, кыпчакском *almas*- турецком *elmas*, которое идет через арабский из греческого. *ἄλμας* [6, с. 106; 3, 10, с. 438]: *Алмазов, Алмазенко*;

башмак заимствовано из тур., чагат. *başmak* «башмак, подошва» [8, 27, с. 139]. По свидетельству Махмуда Кашгарского, в огузском и кыпчакском языках *башмак* означает «обувь»: *Башмаков, Башмачкин, Башмачник* (рус.); *Башмаковский, Башмачко, Башмаченко* (укр.);

бирюза «непрозрачный драгоценный камень небесно-голубого или зеленовато-голубого цвета». Заимствовано из турецкого *piruza*, является переоформлением перс. *piroza*, деривата от *piroz* «победоносный» [7, с. 124]. Это персидское слово, в новоперсидском, звучит *фируза*. Характерная замена начального *ф* звуками *б/п* скорее говорит о том, что русский язык заимствовал это слово при тюркском посредничестве: *Берюзов, Бирюзин* (рус.); *Берюзовский, Бирюзенко* (укр.)

буран «снежная буря, метель в степи». Слово образовано от *бур* – «крутить, свивать, вертеть» [7, с. 149] + -ан. «Русское слово заимствовано из татарского, башкирского *буран*, которое рано проникло в речь русских обитателей степного Приуралья» [7, 26, с. 531] Таким образом, лексемы *бурав* и *буран* восходят к общему корню *бур*.

Буранов, Буранин, Буранкин, Буранцев, Буранцов, Буранчик, Буранчиков (рус.); *Буранко, Бураневич, Бураненко, Буранович, Бурановский, Буранский, Буранюк, Буранчук (Буранчук), Буранец* (укр.).

казан «котел, котловина». Основа *казан* встречается как в русском, так и в украинском языках. Тюркизм *казан* мог первоначально служить прозвищем, от которого и была образована фамилия. *Казанов, Казанцев, Казанин* (рус.), *Казанович, Казановский, Казаненко, Казанко, Казанюк* (укр.).

калита тюрк. «сума, кошель, мешок, карман». Заимствовано из татарского, казахского, *kalta* [3, 10, с. 258; 8, 27, с. 168]. *Калитин, Калитов, Калитинов, Калитаев, Калитвинцев, Калитиненков* (рус.); *Калитенко, Калитченко, Калитвиненко, Калитиненко, Калитчак, Калитнюк, Калитенец* (укр.);

караул «стража». «Монгольский, чагатайский, татарский в значении «дозор», «стража» от глагольного корня *кара* «смотреть». В Турции осмысливалось как *кага кол* «черная рука», то есть «янычарский патруль», «карательный отряд». В русский язык слово *караул* попало в эпоху Золотой Орды». *Караулан, Карауланов, Караулев (Караулов)* (рус.); *Карауланович, Карауленко, Караулко* (укр.);

лачуга «небольшая, плохо построенная или разваливающаяся изба, хижина». Слово «лачуга» не сразу вошло в лексический фонд русского языка в своем современном единственном графемно-фонетическом виде. Оно начало употребляться на Руси с XIV в. и в текстах памятников русской письменности встречается в таких вариантах, как *алачуга, олачуга (олачюга), лачуга (лачюга)*. Раньше всех вариантов употреблялась лексема «алачуга», означавшая род жилища у кочевников; небольшое временное сооружение для жилья, шалаш. Как видно далее из словарной статьи, нет никакого сомнения в том, что слово «лачуга» в русский язык вошел из тюркских языков: оно существует в турецком, башкирском, азербайджанском, киргизском,

казахском, узбекском и др. языках. Как отмечает Н. К. Дмитриев, слово по всей вероятности в русский язык вошло из татарского, а начальное *a*, оказавшись в безударной позиции, отпало [2, с. 220]. *Лачугин* (рус.); *Лачугинский* (укр.).

Во вторую группу вошли единицы, характеризующиеся выборочным освоением тюркизмов в русском и украинском языках.

В украинском языке тюркская форма полностью ассимилирована, тогда как в русском языке зафиксированы так называемые случаи «синонимичности» тюркизмов и русизмов: *тютюн* (тюрк. / укр.) – *табак* (рус.); *чабан* (тюрк. / укр.) – *пастух* (рус.); *кава* (тюрк. / укр.) – *кофе* (рус.), *капшук* (тюрк. / укр.) – *мешочек* (рус.), *килим* (тюрк. / укр.) – *ковер* (рус.), *лелека* (тюрк. / укр.) – *аист* (рус.), *майдан* (тюрк. / укр.) – *площадь* (рус.), *терези* (тюрк. / укр.) – *весы* (рус.). Состав тюркских основ в украинском языке в основном совпадает с обрусевшими тюркизмами. Однако в украинском языке представлены также и заимствованные основы не характерные для русского языка, что свидетельствует о разной степени и разном характере межэтнических связей украинцев и русских с тюркскими народами.

Выявлены единичные случаи варьирования антропонимов: фонетического (*баклажан* – *патлажан*) и семантического (*кавун* – *арбуз*, *кабак* – *тыква*). Ср.:

баклажан ‘растение семейства пасленовых с продолговатыми плодами фиолетового цвета.’ Заимствовано через турецкий язык *patlydžan* «баклажан» [8 27, с. 110; 3 10, с. 1176]. Лексема *патлажан* без изменений сохранилась в украинских антропонимах *Патлажан*, *Патлажей*, а русская форма подверглась изменениям и от ассимилированного тюркизма *баклажан* образована русская фамилия *Баклажанов*.

Уникальным явлением является единица *кавун*. «В украинском языке *кавун* функционирует в значении ‘арбуз’, в польском – *kawon* ‘тыква’, в русском – не зафиксировано или используется как украинизм. Заимствованное из турецкого языка *kaun*, *кавун* ‘дыня’, в татарском и казахском языках фиксируется *каун* ‘арбуз, дыня’, в уйгурском – *каун* ‘дыня’» [3, 10, с. 51; 77, 468], в азербайджанском *gavun* ‘дыня’. Тюркизм *кавун* является основой украинских фамилий: *Кавунин*, *Кавунник*, *Кавуненко*, *Кавунко*, *Кавуновский*, *Кавунович*, *Кавунчук*, *Кавунджи*, при этом в русском языке используется единица *арбуз*, которая встречается в русских фамилиях: *Арбузов*, *Арбузин*.

Следует отметить, что лексема *тыква* не дает антропонимов как в русском, так и в украинском языках. Однако в антропонимике функционирует тюркская основа *кабак* в значении «тыква; тыквенный». По мнению Ю. А. Федосюка, фамилия образована от тюркского личного имени *Кабак* или от названия овоща, теперь более известного как кабачок. На юге *кабаком* называют и тыкву; так могли прозвать толстого, круглого человека [4, 11, с. 88]. В украинском языке слово *кабак* «гарбуз», «тыква» [НТСУМ, 9, с. 203]. *Кабак*, *Кабакин*, *Кабачко*, *Кабаченко*.

Неосвоенные тюркские основы в русском и украинском языках не столь продуктивны.

Следует учитывать и тот факт, что ассимиляция иноязычных слов в языке-реципиенте – проблема диахроническая и ее изучение возможно лишь в определенном временном срезе. Принимая во внимание то, что лингвистический процесс заимствования в любом языке достаточно длителен и имеет сложную организацию, справедливым представляется утверждение, что слова иноязычного происхождения неоднородны как по степени *функционального*, так и по выраженности *формального* усвоения.

Неосвоенные тюркизмы характеризуются лишь графическим оформлением с отсутствием семантического освоения или только звуковой оболочкой для антропонимов, ср.:

ага «1. *ист.* Титул ханского визиря Нуреддина. 2. Начальник колонны всадников. 3. Старший брат, мужчина; обращение к старшему дяде. 4. Господин, сударь, богатый хозяин». Лексема *ага* “старейшина”, “надсмотрщик” (в пограничных турецких областях); из тур., азерб. “благородный, знатный; господин, хозяин, начальник” [3, 10, 143; 8, 27, с. 97]. *Агаев*, *Агаин*;

долма ‘голубцы’. Межтюркская основа восходит к глаголу *дол* «наполняться» [9, 28, с. 259]. *Долманов*, *Долманенко*, *Дольма*;

кашкар (*Кошкар*) «тюрк. – волк. По мнению Н. Баскакова, в основе фамилии лежит тюркское слово *кочкар* > *кошкар* > *кашкар* ‘племенной баран’ [15, с. 218]. Веселовский отмечает, что в Прикамье так называют и старого волка. О Прикамском происхождении фамилии, по мнению ученого, свидетельствует, и наличие в этой области сел Кошкарово, Качкарово. Может быть, и значительно более древнее происхождение – «от Михаила Кашкара, 12-го поколения царевича Сююндюка, внука касожского князя Редеди» [Веселовский, с. 289].

курай «башкирская, татарская продольная». Из казах. *kurai* “вид волынки”, *kuğaiçu* “флейтист” [3, 10, с. 921]. *Кураев*, *Кураенков*, *Куракин*, *Кураков* (рус.); *Кураенко*, *Курачко*, *Курайченко* (укр.);

курт «1. древнетюрк. волк; 2. тюрк. червь, насекомое». *Куртин*, *Куртов* (рус.); *Куртенко*, *Куртененко*, *Куртенюк*, *Куртюк* (укр);

мелек, *мелик*, *малик* «1. владеющий, правящий; 2. доисламское имя у арабов, затем эти имена приобрели значение владыка, господин, князь; 3. в Турции это прозвище стало наследным титулом, которым награждались сельские старосты; 4. урум. ангел (заимствовано из крымскотатарского). *Малик*, *Маликов*;

чагатай «монг. слово *чагатай* ‘храбрый, честный, искренний’ связывается с тюркским именем *Чагатай* (в русском произношении *Чаадай*), которое легло в основу фамилий. «Так звали, в частности, второго сына Чингисхана. Он получил во владение огромную территорию, население которой называли чегодаи (фонетический вариант – чагатаи)» [8, 27, с. 308].

Среди неосвоенных тюркских основ выявлены случаи, когда тюркизм постепенно переходит в разряд освоенных единиц:

каймак «в киргизском, татарском, турецком, крымскотатарском языках – ‘густая варёная сметана; сливки, снятые с варёного молока’» [8, 27, с. 162]; *Каймакчиев Каймакан, Каймакин, Каймаков, Каймакчиев* (рус.); *Каймаченко* (укр.);

балык «рыба, рыбий». Заимствовано из тур., крым.-тат., азерб., кыпч., казах., караим. *baluk* “рыба” [9, 10, с. 1496; 8, 27, с. 119]. В разговорном употреблении используется как ‘солёная и вяленая спинная часть осетровой рыбы’; *Балыков, Балыкин, Балыко, Балычко, Балычук, Балыковский, Балычак, Балычев, Балычевский, Балычевцев, Балыченко, Балыченков, Балычик*;

калым «выкуп за невесту». Из тат., тоб. *kalun* – то же, кирг., алт., тел., шор., леб. *kalun*, чагат. *kalim* [8, 27, с. 171; 3, 10, с. 24]; *Калымин, Калымов* (рус.); *Калымовский, Калыменко* (укр.);

нагай «тюркское племенное название *no'ai* в Крыму и на Кавказе, или от казахского и татарского слова *no'ai* – *ногъай* «казанский татарин», «татарин, живущий на востоке России» или «татарин-степняк» [3, 10, с. 693; КРС, 7, с. 176; 8, с. 35]. *Нагаец, Ногаев, Ногаенко, Ногайчук, Ногайко*;

Таким образом, формирование и развитие антропонимикона Украины тесно связаны с генезисом фамилий, что определило актуальность исследования особенностей тюркских антропооснов. При определении этимологии и семантической амплитуды лексем, послуживших основой для образования фамилий, сделана попытка, выявить пути проникновения тюркизмов в русский язык и показать степень адаптированности лексем в языке-реципиенте.

Русские и украинские антропонимы, образованные на базе тюркских основ представляют собой особый пласт славянской лексической системы.

Источники и литература:

1. Борисова О. С. Адаптация иноязычной лексики в системе языка и восприятий носителей (на материале лексики русского и китайского языков конца XX – начала XXI вв.) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 «Теория языка» / О. С. Борисова. – Кемерово, 2009. – 24 с.
2. Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков / Н. К. Дмитриев. – М. : Изд-во восточной литературы, 1962. – 608 с.
3. Опыт словаря тюркских наречий = Versuch eines Wörterbuches der Tprk-Dialecte : [Текст на рус. и нем. яз.] : в 4 т. / сост. В. В. Радлов. – СПб. : Тип. Имп. Акад. наук., 1893-1911.
4. Русские фамилии : популярный этимологический словарь / сост. Ю. А. Федосюк. – 6-е изд., испр. – М. : Флинта; Наука, 2006. – 240 с.
5. Словарь русско-украинских фамилий тюркского происхождения / сост. В. Ф. Ибрагимова. – Симферополь : ОАО «СГТ», 2009. – 116 с.
6. Унбегаун Б. Русские фамилии / Б. Унбегаун; ред. Б. А. Успенский; [пер. с англ.]. – М. : Прогресс, 1989. – 443 с.
7. Этимологический словарь русского языка / под ред. Н. М. Шанского. — М. : Изд. Моск. ун-та, 1975. – Т. 2, вып. 6. – 126 с.
8. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / сост. М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. – М. : Астрель; АСТ, 2004.
9. Этимологический словарь тюркских языков : в 3 т. / сост. Э. В. Севортян. – М. : Наука, 1974-1980.

Вовк К.В.

УДК 811.161.2'373/374

ФОРМУВАННЯ ФРАЗЕОЛОГІЧНОЇ ЗОНИ В ЛЕКСИКОГРАФІЧНИХ ПРАЦЯХ кін. XVI – поч. XX ст.

Українській лексикографії властивий швидкий темп видання словникової продукції. Проте якісному укладанню словників має передувати створення ґрунтовної теоретичної бази, основне завдання якої полягає в розробленні принципів лексикографування, виробленні єдиних стандартів укладання різних типів словників. На нашу думку, досягти цієї мети можливо шляхом теоретичного дослідження параметричної системи словників, аналітичного аналізу здобутків практичного словникарства, посиленням інтересом до лексикографічної критики.

Постановка проблеми. Для системного розвитку теоретичної та практичної лексикографії вивчення та вдосконалення параметризації словникової продукції є одним із головних завдань. На сучасному етапі розвитку лексикографії особливої актуальності набуває питання **формування фразеологічної зони** в лексикографічних працях кін. XVI – поч. XX ст., бо без діахронного вивчення не можливий синхронний аналіз словникової продукції.

Спостереження за способами фіксації фразеологічного складу в різні історичні періоди - одне з найоб'єктивніших свідчень еволюції теорії і практики лексикографії. Такі дослідження уможливлені як різночасовими фіксаціями фразеологічних зон в словниках, так і монографічними описами окремих періодів.

Вивчаючи історію укладання загальнономовних словників кін. XVI – поч. XX ст., можна простежити процес формування фразеологічної зони. Як відомо, перші записи ФО з'явилися у праці Лаврентія Зизанія. „Лексисъ” Л. Зизанія вийшов у кін. XVI ст., де другою мовою, що пояснює „словенські слова”, був „діалект руський”. Усього в „Лексисі” впорядковано 1061 слово, розташоване в алфавітному порядку. Як зауважує А.А. Москаленко, „це досить значна кількість слів для, тогочасних лексикографічних праць” [3, с. 14]. Невелика за обсягом збірка фіксує 11 ФО. ФО не мають чіткої позиції у словниковій статті. Тому, можемо